

УДК 821.161.1

Карпова А.С.*Московский городской педагогический университет***ОТРАЖЕНИЕ СЮЖЕТА О ПИГМАЛИОНЕ
В ТВОРЧЕСТВЕ А.В. ДРУЖИНИНА**

Аннотация. В статье раскрываются особенности прозы А.В. Дружинина в свете мифа о Пигмалионе и Галатее. Литература XIX века проявляла особый интерес к этому мифологическому сюжету, тем не менее имя Дружинина в его контексте ещё не исследовалось. Однако литература «второго ряда» всегда отражает важнейшие особенности эпохи, к которым можно отнести и стремление культуры к разработке популярных мифологических моделей. Автор статьи приходит к выводу о том, что в текстах писателя отсылки к мифу о Пигмалионе связаны, главным образом, с социальной проблематикой.

Ключевые слова: А.В. Дружинин, миф, Пигмалион, мифопоэтика.

A. Karpova*Moscow City Teachers' Training University***THE REFLECTION OF PYGMALION PLOT IN A. DRUZHININ'S WORKS**

Abstract. In the article, the features of Druzhinin's prose in the light of the myth about Pygmalion are revealed. The literature of the 19th century showed a particular interest to this mythological plot, nevertheless Druzhinin's name wasn't investigated in its context. However, the «second line» literature always reflects the most important features of an era, to which we can refer the cultural strive to the development of popular mythological models. The authors of the article come to a conclusion that the references to the myth of Pygmalion in writer's texts is associated mainly with social problems.

Keywords: A. Druzhinin, myth, Pygmalion, mythopoetics.

В середине XIX века в русской культуре возникает неподдельный интерес к мифу о Пигмалионе и Галатее: многие писатели в это время обращаются к нему в своих произведениях¹. Актуальность этого мифа обуславливалась тем, что он соприкасался с проблемой творчества и созидательного начала в человеке, построения себя и воспитания «другого», служил призывом оживлять мысль художника, творить, а также выступал посредником между автором и текстом, развивал мысль о важности воспитания не только себя самого, но и окружающих. Поэтому миф о Пигмалионе был особенно востребован литературой тех лет, которая видела свою задачу в том, чтобы пробудить общество, изменить патриархальную модель семейных отношений и показать новые пути сотворчества

© Карпова А.С., 2014.

¹ Основные работы по проблеме функционирования сюжета о Пигмалионе и Галатее в художественном наследии русской литературы середины XIX века: Л.А. Ходанен «Миф в творчестве русских романтиков» [13], Г.П. Козубовской «Середина века: миф и мифопоэтика» [11], А. Молнар «Поэтика романов И.А. Гончарова» [12].

двоих. Проза А.В. Дружинина, писателя «второго ряда», также является одним из ярких тому примеров, к тому же беллетристика нередко острее и явственнее отражает общую тенденцию культуры. В произведениях Дружинина злободневно звучат вопросы, связанные с женской эмансипацией, новыми принципами семейного союза, которые восходят к сюжетам жоржандовского типа, но несут на себе и отпечаток мифа о Пигмалионе, поскольку персонажами его сочинений нередко оказываются художник или герой с явно выраженным творческим началом, и талантливая молодая женщина.

Современному читателю имя Дружинина знакомо в основном благодаря его переводам и литературно-критическим работам¹. Тем не менее он оставил интересное художественное наследие: повести «Полинька Сакс» (1847), «Рассказ Алексея Дмитрича» (1848), «Лола Монтес» (1848), роман «Жюли» (1849), рассказы «Фрейлейн Вильгельмина» (1848), «Шарлотта Ш-ц. Истинное происшествие» (1849), «Художник» (1848), комедии «Маленький братец» (1849), «Не всякому слуху верь» (1850).

Необходимо отметить особый интерес Дружинина-писателя к области чувств, к жизни семейной и новым веяниям времени в сфере взаимоотношений мужчины и женщины. Литератора волновал вопрос, какое место отведено

женщине в семье. В прозе Дружинина переплетены проблемы творчества и любви, а также показано, как они взаимодействуют в обычной жизни. Всё это писатель художественно реализовал в том числе с помощью мифа о Пигмалионе, который концентрирует в себе важную для той эпохи мысль о самосовершенствовании и о взаимовоспитании. В его художественных текстах всегда есть «приметы» сюжета о Пигмалионе: так, героиня, как правило, оказывается юной, не знающей жизни и не способной принимать её во всей полноте; она нередко напоминает холодную статую, каменное изваяние, которое нужно пробудить; герой активно созидает своё творение в виде молодой спутницы / супруги; подчас именно в созданное им самим «произведение» он и влюбляется. Бывает так, что мужские и женские роли в пигмалионовском «сюжете» у Дружинина меняются – и тогда женщина оказывается творцом.

С каким бы произведением Дружинина читатель ни столкнулся, в каждом фигурирует хорошенькая героиня юных лет. В скором будущем ей предстоит обрести правильное представление о жизни, открыть глаза на мир, благодаря влиянию и воспитанию мужчины.

Так, в повести «Лола Монтес» представлена вольнолюбивая, избалованная воспитанием девушка Лёля, которую родители хотят выгодно выдать замуж. Вот как говорит о Лёле выбранный её родителями жених: «Если б вы были женщиною... – я бы оставил вас. Но вы ребёнок, ребёнок избалованный, ребёнок, к которому я привязался до безумия» [4: с. 12]. В романе «Жюли» Юленька Ланицкая – настоящее дитя,

¹ В последние десятилетия появились значимые работы о творчестве А.В. Дружинина: Б.Ф. Егоров [9], О.Б. Кафанова [10]. Л.И. Шевцова-Щеблыкина [14] посвятила фундаментальный труд критической деятельности писателя, а Н.Б. Алдонина [1] составила наиболее обширную всеобъемлющую работу о Дружинине, содержащую в себе материалы для его научной биографии.

у которого «привычки её и манеры сохраняли очаровательную и неподдельную грацию детского возраста» [3: с. 78]. Своим знакомым мужчинам она напоминала произведение искусства, что в высшей степени примечательно в свете мифа о Пигмалионе: «с каждого её движения, с каждой её позы можно было написать картину, конечно не античную, но в высшей степени грациозную» [3, с. 133]. Схожая ситуация представлена в рассказе «Шарлотта Ш-ц. Истинное происшествие», где главная героиня с самого детства была «идолом своего семейства» [8, с. 289], и в рассказе «Художник», где показана «живая, миленькая девочка» семнадцатилетнего возраста. Такова и Ольга из рассказа «Фрейлейн Вильгельмина», чья ребяческая «бойкость светилась в каждом ... движении» [7, с. 109]. И, как ни странно, даже Костя из повести «Рассказ Алексея Дмитрича» – «(его тоже приходится причислять к героиням)» [3, с. 163] – со свой тонкой душевной организацией и непреодолимой нежностью к цветам также может быть отнесен к этому парадигматическому ряду.

Детскость героини согласуется у Дружинина с мыслью о схожести любой женщины с ребёнком до момента вступления её в брак: «Согласие, гармония, веселье – это воздух для ребёнка, и если вокруг него нет этих атрибутов, ребёнку дела нет, отчего это происходит; он возмущается против всех и каждого, не добираясь до того, кто нарушает гармонию... Оттого-то и большая часть браков несчастны, – женщины те же дети, и для брака богатство есть залог согласия» [6, с. 223]. Героини Дружинина – это частный случай общей закономерности жизни.

По мнению писателя, каждой из них предстоит как развиться самой, так и воспитать любимого ею человека (иногда после того, как она сама достигнет определённых личностных высот). Женщина у Дружинина способна превзойти по силе духа мужчину, готова быть самоотверженной, в то время как «в горести мужчина может на время сделаться женщиной, даже ребёнком» [6, с. 223]. Как правило, таких высот героиня достигает после своего пробуждения / оживления.

Так, Полинька Сакс из одноименной повести была по-детски чутка, её характер не сформировался вполне, но супруг приложил немало усилий, чтобы «оживить» свою «статуэтку». Внешне Полинька, как и многие другие героини Дружинина, напоминала юное дитя: «Отличительная черта Полинькиной красоты – это её детская миловидность. Верхняя её губка далеко отстаёт от нижней: красота ребяческая, а не женская...» [2, с. 7]. Детскость – свидетельство внутреннего сна, но также и чистоты, и способности к пробуждению. Константин Сакс желал превратить супругу в «живую» женщину, у которой есть на всё своё зрелое суждение: «И вот уже год, как я бьюсь изо всех сил, чтоб оживить эту миленькую статуэтку!» [2, с. 8]. Здесь отголосок сюжета о Пигмалионе отражается в мотиве статуарности героини. Однако есть явная ирония, хотя и очень мягкая: статуя снижена до своего маленького подобия.

Таким образом, в прозе Дружинина содержится мысль о необходимости пробуждения героини, о неизбежной перестройке её детской сущности в женскую рассудительность и даже мудрость. Рождение женщины из де-

вушки-ребёнка подчёркнуто с помощью знаков мифа о Пигмалионе. Но не только.

Почти каждая из юных героинь Дружинина так или иначе несёт не себе отпечаток романов Жорж Санд, где женщина была поставлена на особый пьедестал. У Дружинина в романе «Жюли» героиня, сильно любящая своего мужа, уже «курит, водку пьёт, скачет верхом! А что хуже всего, ленива... просто чертёнок» [3, с. 8]. В «Полиньке Сакс» сам муж приносит для чтения супруге книги Жорж Санд. И Лёля хорошо скачет верхом, к тому же выше всего ценит свободу: «...я с досады могла влюбиться в кого-нибудь из них... единственно затем, чтобы погубить себя не по чужой, а по своей воле» [4: с. 5]. Таким образом, мотивы романов Жорж Санд в немалой степени объединяются с сюжетными элементами мифа о Пигмалионе в своей функциональности: они вместе служат идее просвещения и пробуждения женщины.

Важным моментом в творчестве Дружинина является тот факт, что сюжет о Пигмалионе обретает совершенно необыкновенный ракурс: в его произведениях не только жена развивается и просвещается мужем, но и муж оживляется и оживотворяется женой.

Ярким примером тому является рассказ «Шарлотта Ш-ц. Истинное происшествие», где юная героиня, как «настоящая Беатриче немецкого Данте, с великими надеждами предалась своей страсти с полным самозабвением, с самоотвержением, которое доходило до высокой поэзии» [8, с. 291]. В итоге ей пришлось даже пойти на самоубийство, одержимой мечтой жи-

вить собственного мужа и исцелить его от апатии по причине литературных провалов: «Чем больше думала Шарлотта о положении Гейнриха, тем более убеждалась она, что её смерть одна может возбудить его к жизни» [8, с. 306]. Писатель вложил в уста своей героини близкую для него идею о взаимном созидании: «Будем оживать, укреплять и ободрять друг друга; взявшись за руки опираясь один на другого, мы можем пройти далеко» [8, с. 296]. К сожалению, её жертва была напрасной, Гейнриху так и не удалось ожить, и своей любовью он не смог радовать и оживать свою супругу. Она же, покончив с собой, стала «бледная, холодная и прекрасная, как мраморная статуя» [8, с. 311] – так сюжет о Пигмалионе получил обратный вектор.

Женщина, которая возлагает на себя функции Пигмалиона по отношению к своему избраннику (мужу, отцу, спутнику), у Дружинина всегда самоотверженна и порой несчастна. Такова Лола Монтез, решившая выйти замуж не по собственной воле, а ради выгоды родственников и спасения от дуэли родного брата, не зная жестокой правды, что это был продуманный семейный стговор, обман. Такова Вера Николаевна, находящаяся под гнётом мачехи и обладающая умением оживать любимого отца, лишь только находясь с ним рядом. Она отреклась от личного счастья только потому, что он скучал в её отсутствие. Но, к сожалению, жертвенность и здесь не оправдалась: отец стал поддерживать свою жену, а Вера уже принесла «себя на жертву, чтоб поддержать на время дряхлую развалину, которая не ценит её жертвы...» [4, с. 286]. В самоотверженности преуспела и героиня рома-

на «Жюли», отрекаяющаяся от богатой жизни в пользу спокойствия мужа, с целью семейного счастья за городом. Схожую мысль Дружинин проводит в комедии «Не всякому слуху верь»: «обязанность женщины терпеливо переносить огорчения» [5, с. 64]¹.

Акцентируя жертвенность своих героинь, Дружинин констатировал, с одной стороны, существующее в обществе главенство мужчины, с другой – подчеркнул недооцененную созидательную роль женщины. Писатель соперничает своим героиням и восхищён ими: «Я не хотел остановиться на мысли, что и в бесплодном самопожертвовании женщины есть своя святая, высокая заслуга – это поддержание веры в возможность чистейших побуждений на земле...» [6, с. 300].

Наиболее ярко сюжет о Пигмалионе отразился в рассказе Дружинина «Художник», в котором есть немало общего с романом «Обрыв». Последний задумывался И.А. Гончаровым как книга о художнике и должен был называться «Художник». Оба героя – Райский у Гончарова и Корсовский у Дружинина – творцы: первый хочет реализовать себя как скульптор, второй – как живописец. И в «Обрыве», и в «Художнике» поставлен вопрос о взаимоотношении творца с результатом собственного труда – творением. Герой рассказа Дружинина Корсовский ищет себя на творческом поприще, стремится оживить в себе творческую фанта-

зию, как и Райский, который говорил о подобии данного процесса созиданию каждым отдельным человеком собственной статуи. В «Обрыве» Гончарова и в романе Дружинина «Жюли» выражена близкая для обоих писателей идея жизнотворчества: «А твой образ жизни ни дать ни взять картины твоей работы» [3, с. 61].

Рассказ Дружинина «Фрейлейн Вильгельмина» и роман «Жюли» также представляют особый интерес в свете мифа о Пигмалионе и соотносённости с романом Н.Г. Чернышевского «Что делать?». Эти тексты объединяет сквозной персонаж – доктор Армгольд, во многом напоминающий своим аскетичным образом жизни Рахметова: «Суровое и бедное убранство и жёсткая мебель, груды книг без переплета и посреди них дорогие физические и медицинские аппараты, – всё это придавало комнате вид очень оригинальный и угрюмый» [3, с. 58]. Доктор обладал неправильными угрюмыми чертами лица, что делали его сродни «хладнокровному философу» [3, с. 58]. Тем не менее, герой Дружинина ещё не Рахметов, не желающий поддаваться чувствам, он влюбляется в Жюли, которая становится для него, как Галатея для Пигмалиона, источником вдохновения и хорошим другом. Он немало способствует созданию её семейного счастья и рад этому. Армгольд – явный предшественник Рахметова, аскет, только пока избегающий людей, не желающий активно действовать ради многих (он созидает счастье только одной Жюли): «Я служил, лечил людей, писал – ... а между тем мне было тошно и служить, и лечить, и писать... мне пришла пустая фантазия, что мне и тесно, и тяжело, что вокруг

¹ В этой пьесе и в «Маленьком братце» обнаруживается связь с романами И.А. Гончарова: характеры Льва Никитича Запольского и Павла Александровича Старосельского родственны гончаровскому Петру Адуеву. Оба героя Дружинина – старшие братья, выступающие в роли наставников по отношению к своим младшим братьям.

меня горы несправедливостей...» [7, с. 117]. Так, в творчестве Дружинина обнаруживаются значимые связи с прозой Гончарова и Чернышевского, чье творчество и даже собственная жизнь (в особенности, у последнего) в той или иной мере содержали в себе элементы мифа о Пигмалионе.

Итак, сюжет о Пигмалионе служил в прозе Дружинина художественным проводником идеи о необходимости эмансипации женщины и общества, о ценности воспитания супругами друг друга, ведь именно «в сердце влюбленного человека происходит иногда удивительная эволюция» [7, с. 125], то есть тесно связан с актуальными для середины XIX века вопросами социального и семейного переустройства.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алдонина Н.Б. А.В. Дружинин (1824–1864): Малоизученные проблемы жизни и творчества: Монография. Самара: Изд-во СГПУ, 2005. 532 с.
2. Дружинин А.В. Повести. Дневник / Под ред. Б.Ф. Егорова, В.А. Жданова. М.: Наука, 1986. 511 с. Сер. «Литературные памятники».
3. Дружинин А.В. Жюли // Современник. 1848. № 1. С. 5–164.
4. Дружинин А.В. Лола Монтез // Иллюстрированный альманах. СПб., 1848. С. 1–27.
5. Дружинин А.В. Не всякому слуху верь // Современник. 1850. № 11. С. 61–96.
6. Дружинин А.В. Рассказ Алексея Дмитрича // Современник. 1848. № 2. С. 209–304.
7. Дружинин А.В. Фрейлейн Вильгельмина // Современник. 1848. № 6. С. 103–158.
8. Дружинин А.В. Шарлотта Ш-ц. Истинное происшествие // Современник. 1849. № 12. С. 287–312.
9. Егоров Б. Проза А.В. Дружинина // Дружинин А.В. Полинька Сакс. Дневник. М., 1989. С. 5–22.
10. Кафанова О.Б. Жорж Санд и русская литература XIX века: (Мифы и реальность): 1830-1860 гг. / Отв. ред. Ю.Д. Левин. Томск.: Томский гос. пед. ун-т, 1998. 410 с.
11. Козубовская Г.П. Середина века миф и мифопоэтика. – Барнаул: БГПУ, 2008. – 273 с.
12. Молнар А. Поэтика романов И.А. Гончарова. М.: Спутник+, 2004. 157 с.
13. Ходанен Л.А. Миф в творчестве русских романтиков. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2000. 320 с.
14. Шевцова-Щеблыкина Л.И. Литературно-критическая деятельность А.В. Дружинина в 40-50-е годы XIX века. М., 2001. 243 с.